

ШЕРРИ
ТОМАС

*Любовь
против правил*

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т56

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Перевод с английского *А.И. Вальтер*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Nelson Literary Agency, LLC и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Томас, Шерри.

Т56 Любовь против правил : роман / Шерри Томас; [пер. с
англ. А. И. Вальтер]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. —
(Очарование).

ISBN 978-5-17-090398-6

Миллисент Грейвз, дочь миллионера-нубориша, с детства знала: ее долг — украсить семейное состояние приобретенным в замужестве титулом, а потому с открытым сердцем встретила предложение красивого молодого графа Джорджа Грэнвилла Фицхью.

Однако юную девушку постигло разочарование: оказалось, Джордж женится на ней по расчету, женится против воли, дабы спасти семью от разорения.

Две судьбы, соединенные волею обстоятельств.

Две жизни, лишённые надежды на счастье.

Что сулит этот брак? И не придет ли однажды на смену отчаянию любовь, незваная, нежданная и прекрасная?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Sherry Thomas, 2012

© Перевод. А.И. Вальтер, 2013

ISBN 978-5-17-090398-6

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

*Судьба
1888 год*

Это была любовь с первого взгляда. Конечно, тут не было ничего предосудительного. Но Миллисент Грейвз растили вовсе не для того, чтобы она вообще влюблялась, тем более так поспешно и безоглядно.

Она была единственным выжившим ребенком весьма состоятельного предпринимателя, занимавшегося производством консервированных продуктов и прочих заготавливаемых впрок припасов. И задолго до того, как она начала разбираться в подобных вещах, было решено, что она непременно выгодно выйдет замуж, соединив солидное состояние их семьи с каким-нибудь благородным титулом.

Поэтому детство Миллисент протекало в бесконечных уроках. Музыка, рисование, каллиграфия, риторика, хорошие манеры и, если оставалось время, современные языки. В десять лет она успешно спускалась по длинной лестнице с тремя книгами на голове. К двенадцати она умела часами обмениваться любезностями на французском, итальянском

и немецком. А в день своего четырнадцатилетия Милли, не будучи музыкально одаренной от рождения, одолела наконец «Двенадцать трансцендентных этюдов» Листа исключительно благодаря упорному труду и непреклонной решимости.

В том же самом году отец ее пришел к заключению, что дочь нельзя назвать ослепительной красавицей, если вообще слово «красавица» к ней применимо, и начал подыскивать ей высокородного жениха, достаточно отчаявшегося, чтобы жениться на девушке, семья которой разбогатела — помилуй Бог! — на консервированных сардинах.

Поиски подошли к концу спустя двадцать месяцев. Мистер Грейвз не испытывал особого восторга от своего выбора, поскольку граф, согласившийся взять в жены его дочь в обмен на ее деньги, имел титул не слишком древний и не особенно прославленный. Однако позорное пятно, связанное с консервированием сардин, являлось столь отягчающим обстоятельством, что даже этот захудалый граф потребовал у мистера Грейвза все, что тот имел. До последнего пенни.

А затем, после долгих месяцев обсуждений и торга, после того как брачный договор был в конечном итоге согласован и подписан, граф имел неосмотрительность отойти в мир иной в возрасте тридцати трех лет, что было с его стороны крайне эгоистично. Или, вернее, мистер Грейвз расценил его смерть как оскорбительную бестактность. Милли, уединившись в своей комнате, горько рыдала.

Она видела графа всего два раза, и ее не привел в восторг ни его вялый, болезненный вид, ни вздор-

ный характер. Но ведь он, с другой стороны, тоже не имел выбора. Поместье перешло к нему в ужасном состоянии. Его ухищрения улучшить положение дел мало что смогли изменить. А когда он пытался заполучить наследницу более благородного происхождения, ему всякий раз отказывали. Скорее всего по причине его непритязательной внешности и не слишком изысканных манер.

Более решительная девушка, возможно, взбунтовалась бы против такого непривлекательного жениха, который к тому же был старше ее на семнадцать лет. Более энергичная и предприимчивая особа, возможно, убедила бы родителей позволить ей попытаться счастья на ярмарке невест. Милли не обладала ни одним из этих качеств.

Она была тихим серьезным ребенком, понимающим инстинктивно, сколь многого от нее ожидают. И если было желательно, чтобы она умела играть все двенадцать «Трансцендентных этюдов», а не только одиннадцать, ее тренировки в конечном итоге сводились не к совершенствованию в музыке — или в языках, или в умении держать себя, — а к воспитанию дисциплины, силы воли и самоограничения.

Любовь в этом плане никогда не рассматривалась. Мнение Милли тоже в семье не обсуждалось. Лучшее всего было держать ее в стороне от задуманного, потому что она была всего лишь винтиком в сложном механизме организации удачного брака.

Однако в ту ночь она оплакивала этого непривлекательного мужчину, который, подобно ей, не имел голоса при решении собственной судьбы.

Но сложный механизм организации удачного брака продолжал работать. Две недели спустя после похорон безвременно почившего графа Фицхью Грейвз давал званый обед в честь его дальнего родственника, нового графа Фицхью.

Милли очень мало знала о покойном графе. Еще меньше знала она и о новом. Разве что ему всего девятнадцать лет и он пока еще учится на последнем курсе в Итоне. Его молодость несколько беспокоила девушку — ее готовили к браку со зрелым мужчиной, а не с юношей, близким ей по возрасту. Но помимо этого, у нее не было никаких возражений. Ее брак был всего лишь деловой сделкой. Чем меньше она будет вмешиваться, тем легче будет уладить дело.

К несчастью, ее безразличию — как и ее душевному спокойствию — внезапно пришел конец, стоило новому графу переступить порог.

Милли нельзя было отказать в здравомыслии. Она постоянно следила за тем, что говорит и делает, но редко ограничивала себя в мечтах. Это была единственная свобода, которую она могла себе позволить.

Иногда, лежа ночью в постели, она придумывала себе любовные истории в духе романов Джейн Остен — мать не разрешала ей читать книги сестер Бронте. Милли казалось, что любовь рождается в результате тщательного вдумчивого наблюдения. Мисс Элизабет Беннет, например, не считала, что из мистера Дарси может получиться хороший супруг, пока не увидела воочию великолепия его ро-

дового поместья Пемберли, что подчеркивало благородную натуру мистера Дарси.

Обычно Милли воображала себя богатой независимой вдовой, внимательно, со снисходительной усмешкой изучающей окружающих ее джентльменов. И, если повезет, находившей своего единственного, предназначенного ей мужчину — волевого, благоразумного и отличающегося добрым нравом.

Это и представлялось ей образцом романтической любви: спокойная радость двух родственных душ, проводящих дни в неизменном согласии.

Поэтому она оказалась совершенно неподготовленной к той буре чувств, которая разразилась в ее душе, когда новый граф Фицхью появился на пороге их семейной гостиной. Словно ангельское видение, перед ее взором вспыхнул яркий белый свет. И в ореоле этого сверхъестественного сияния перед собравшимися предстал молодой человек, должно быть, именно в этот момент сложивший свои крылья, чтобы смертные могли безбоязненно лицезреть его образ.

Врожденное чувство самосохранения заставило Милли опустить глаза, прежде чем она сумела подробно разглядеть его черты. Но она была в полном смятении, испытывая одновременно восторг и муку.

Наверняка произошла ошибка. Покойный граф не мог иметь родственника с подобной внешностью. Вот сейчас его представят как однокашника нового графа или как сына его опекуна, полковника Клементса.

— Милли, — сказала ее мать, — позволь представить тебе лорда Фицхью. Лорд Фицхью, это моя дочь.

Боже милостивый, это был он. Этот умопомрачительно красивый молодой человек и был новым графом Фицхью.

Милли пришлось поднять глаза, и она робко встретила твердый взгляд синих глаз лорда Фицхью. Они пожали друг другу руки.

— Мисс Грейвз, — произнес он.

Ее сердце бешено колотилось в груди. Она не привыкла к столь пристальному и нераздельному вниманию со стороны мужчины. Ее мать была заботливой и внимательной. Но отец лишь изредка заговаривал с ней, одним глазом продолжая заглядывать в газету.

Лорд Фицхью, однако, полностью сосредоточился на ней, словно она была самой важной персоной из всех, кого он прежде встречал.

— Милорд, — пробормотала она, остро чувствуя, как запылали ее щеки при виде совершенных скульптурных черт его лица.

Сразу после представления объявили, что обед подан. Граф предложил руку миссис Грейвз, и Милли, страдая от зависти, оперлась на руку полковника Клементса.

Она взглянула на графа. Он как раз посмотрел в ее сторону. На мгновение их глаза встретились.

Кровь закипела в ее жилах. Тревожное волнение охватило ее, она едва не лишилась сознания.

Что с ней такое? Миллисент Грейвз, необычайно застенчивая, покладистая девушка, всегда хорошо владевшая собой, ни разу в жизни не испытывала ничего подобного. Она даже никогда — упаси Бог! — не читала романов Бронте. Почему же она

внезапно почувствовала себя похожей на одну из младших дочерей Беннета? На этих хихикающих легкомысленных девиц, совершенно неспособных контролировать себя? Смутно она осознавала, что ничего не знает о графе, о его натуре, чувствах или характере. Что ведет себя крайне глупо и легкомысленно, ставя повозку впереди лошади. Но буря, бушевавшая у нее в душе, не утихала, словно действовала по собственной воле.

Когда они вошли в столовую, миссис Клементс сказала:

— Какой великолепный стол! Не правда ли, Фиц?

— Совершенно с вами согласен, — ответил граф.

Полное имя его было Джордж Эдуард Артур Гренвилл Фицхью — родовое имя и титул были теми же. Но очевидно, те, кто хорошо знал, называли его Фиц.

«Фиц... — Ее губы и язык неслышно поиграли с этими звуками. — Фиц».

За обедом граф предоставил поддерживать разговор в основном полковнику Клементсу и миссис Грейвз. Он так застенчив? Или все еще подчиняется правилу, что дети должны быть видны, но не слышны? Или просто воспользовался возможностью оценить своих вероятных будущих родственников — и вероятную будущую жену?

Правда, он вроде бы не изучал ее. Не то чтобы он имел такую возможность. Их разделяла огромная трехъярусная семисекционная серебряная ваза, полная орхидей, лилий и тюльпанов, стоявшая посреди стола, закрывая обзор.

Сквозь сплетение стеблей и лепестков Милли удавалось заметить иногда мелькавшую время от времени на его губах улыбку, адресованную миссис Грейвз, сидевшей слева от него. От каждой такой улыбки у Милли начинали гореть уши. Но чаще всего взгляд графа был устремлен в сторону ее отца.

Состояние семьи Грейвз сколотили дед Милли и ее дядя. Когда фамильный сундук начал наполняться, отец девушки был достаточно юн, чтобы поступить в Харроу. Он приобрел необходимые манеры, но, не отличаясь от природы живостью нрава, не имел того внешнего лоска и утонченности, на которые рассчитывали его родичи.

Теперь он сидел во главе стола, не будучи ни напористым дельцом, охотно идущим на риск, как его покойный отец, ни одаренным расчетливым предпринимателем, как покойный брат. Он был скорее исправным хранителем навязанного ему богатства и имущества. Едва ли впечатляющим образом мужчины.

И все же этим вечером именно он приковал к себе внимание графа.

Позади него на стене висело большое зеркало в роскошной раме, в котором удачно отражалась вся компания, сидевшая за столом. Милли иногда смотрела в это зеркало, представляя себя сторонним наблюдателем, фиксирующим для чего-то отдельные моменты частной трапезы. Но этим вечером зеркало особенно притягивало ее взгляд, потому что граф сидел на противоположном конце стола рядом с ее матерью.

Милли отыскала его в зеркале. Их глаза встретились.

Он смотрел вовсе не на ее отца. С помощью зеркала он разглядывал ее.

В разговорах с дочерью миссис Грейвз много распространялась о тайной стороне брака — она не хотела, чтобы суровая правда жизни явилась для Милли ошеломляющей неожиданностью. То, что происходит между мужчиной и женщиной за закрытыми дверями, обычно заставляло Милли относиться к представителям противоположного пола с опаской. Но внимание графа вызывало только огненный вихрь внутри — сладкую дрожь и ощущение полного счастья.

Если они поженятся... и если останутся наедине... Милли покраснела.

Но она уже знала: возражать она не будет.

С ним она была согласна на все.

Едва джентльмены присоединились к дамам в гостиной, как миссис Грейвз объявила, что Милли будет играть для собравшихся.

— Миллисент превосходно играет на фортепиано, — уточнила она.

В кои-то веки Милли была бесконечно рада продемонстрировать свои умения — может, ей и не доставало истинной музыкальности, но она обладала безупречной техникой.

Как только Милли уселась перед роялем, миссис Грейвз обернулась к лорду Фицью.

— Вы любите музыку, сэр?

— Конечно. Очень, — ответил он. — Могу я чем-нибудь помочь мисс Грейвз? Может быть, перевертывать страницы?

Милли взялась рукой за пюпитр. Скамейка была не слишком длинна. Ему придется сесть прямо рядом с ней.

— Пожалуйста, приступайте, — сказала миссис Грейвз.

И вот лорд Фицхью уселся рядом с Милли. Так близко, что его брюки касались оборок ее юбки. От него пахло свежестью и чистотой, как в ясный день в деревне. А улыбка на его лице, когда он пробормотал благодарность, так смутила Милли, что она забыла, что это ей следовало поблагодарить его.

Он перевел взгляд с нее к нотам на пюпитре.

— «Лунная соната». У вас нет чего-нибудь подлиннее?

Вопрос привел ее в замешательство — и одновременно обрадовал.

— Обычно исполняют лишь первую часть сонаты, *adagio sostenuto*. Но там есть еще две части. Я могу сыграть все полностью, если хотите.

— Буду вам очень признателен.

Хорошо, что она играла автоматически и большей частью по памяти, потому что совершенно не могла сосредоточиться на нотах. Кончики его пальцев слегка касались уголка нотного листа. У него были очень красивые руки, сильные и изящные. Милли представила себе, как он этой рукой сжимает крикетный мяч, — за обедом упоминалось, что он состоит в команде колледжа. Мяч, который он подавал, летел быстро, как молния. Минуя отбива-

ющего, он попадал прямо в ворота под одобрительный рев толпы.

— У меня к вам просьба, мисс Грейвз, — тихо произнес он. Под звуки ее игры никто не мог слышать его, кроме нее.

— Да, милорд?

— Продолжайте играть, какие бы слова я ни произнес.

Сердце ее замерло на миг. Происходящее начало обретать смысл. Он захотел сесть возле нее, чтобы они могли тайно поговорить в комнате, полной старших.

— Хорошо. Я буду играть, — ответила она. — Что вы хотите мне сказать, сэр?

— Мне хотелось бы знать, мисс Грейвз, вас насильно заставляют выйти замуж?

Только десять тысяч часов предшествующей тренировки на фортепиано помогли Милли не остановиться. Ее пальцы продолжали привычно ударять по нужным клавишам, извлекая необходимые звуки. Но это мог бы играть кто-то в соседнем доме. Так смутно доносилась до нее музыка.

— Разве... разве я произвожу впечатление, что меня заставляют? — Даже голос ее прозвучал, будто совсем чужой.

— Нет, вовсе нет, — ответил он, слегка поколебавшись.

— Тогда почему вы спросили?

— Вам всего лишь шестнадцать.

— Общеизвестно, что многие девушки выходят замуж в шестнадцать лет.

— За мужчин, вдвое старше их по возрасту?

— Хотите сказать, что покойный граф был немощным? Он был мужчиной в расцвете лет.

— Я уверен, что существуют тридцатитрехлетние мужчины, способные заставить шестнадцатилетних девиц трепетать от романтических ожиданий, но мой родственник не входил в их число.

Она дошла до конца страницы. Он перевернул лист в нужный момент. Милли украдкой взглянула на него. Он на нее не смотрел.

— Могу я задать вам встречный вопрос, милорд? — услышала она свой голос.

— Пожалуйста.

— Вас принуждают жениться на мне?

При этих словах вся кровь отхлынула от ее лица. Она боялась его ответа. Только человек, вынужденный делать что-то против воли, стал бы задумываться над тем, не находится ли и она в том же положении.

Он некоторое время молчал.

— Вы не находите соглашения подобного рода крайне отвратительными?

Восторг и мука — вначале ее разрывали эти две совершенно противоположные эмоции. Но теперь осталась одна только мука, придавившая ее своей оупляющей тяжестью. Тон его был учтивым. Но вопрос прозвучал обвинением в соучастии. Его бы не было здесь, если бы она не согласилась.

— Я... — Она играла *adagio sostenuto* слишком быстро. Не лунный свет звучал в ее сонате, а удары ветвей, бьющих по ставням под порывами штормового ветра. — Думаю, у меня было время привыкнуть к этому. Всю свою жизнь я знала, что не имею права голоса в данном вопросе.

— Мой предшественник тянул с этим долгие годы, — сказал граф. — Он должен был сделать это гораздо раньше: обзавестись наследником и оставить все собственному сыну. Мы с ним в очень отдаленном родстве.

«Он не хочет жениться на мне, — ошеломленно подумала Милли. — Не имеет ни малейшего желания».

В этом не было ничего нового. Его предшественник тоже не собирался на ней жениться. Она принимала его нежелание как само собой разумеющееся. Никогда и не ожидала чего-то иного. В самом деле. Но равнодушие молодого человека, сидевшего рядом с ней на скамейке перед роялем... Это ранило так, будто ее вынудили держать глыбу льда голыми руками. Ледяной холод, переходящий в нестерпимую жгучую боль.

И самое досадное и унижительное — ее безудержно влекло к тому, кто не отвечал ей взаимностью, кто не допускал даже мысли взять ее в жены.

Он перевернул следующую страницу.

— Вы никогда не думали про себя: «Я не стану этого делать»?

— Конечно, такая мысль приходила мне, — сказала она, внезапно ожесточаясь после всех этих лет безмятежной покорности. Однако голос ее по-прежнему звучал спокойно и ровно. — Но затем я подумала: а что дальше? Убежать? Мои старания выглядеть как леди немного стоят за пределами этого дома. Предложить свои услуги в качестве гувернантки? Я ничего не знаю о детях — совсем ничего. Просто отказаться и посмотреть, достаточно ли любит